

М.А. Хлебус (Москва, Россия)

**Знаковые имена современной
русской литературы: Михаил Шишкин /**
Под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков:
SCRIPTUM, 2017. 509 с.

М.А. Khlebus (Moscow, Russia)

Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej МІХАІЛ Шышкін /
Praca zbiorowa pod redakcją Anny Skotnickiej i Janusza Świeżego.
Kraków: Wydawnictwo «scriptum», 2017. 509 s.

Изданный в конце 2017 г. сборник статей «Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин» – итог I Международной научной конференции «Знаковые имена современной русской литературы», которая проходила в Ягеллонском университете (Краков, Польша, май 2016). Первую конференцию посвятили М.П. Шишкину, действительно знаковой фигуре как русской, так и европейской литературы. В основу статей легли научные доклады литературоведов, критиков, переводчиков, выступавших на конференции в Кракове.

Творчество Шишкина стало заметным явлением в русской литературе еще в начале 1990-х. Уже первые произведения прозаика – «Урок каллиграфии» (1993) и роман «Всех ожидает одна ночь» (2000) – были отмечены как лучший литературный дебют. В течение последующих лет вышли романы «Взятие Измаила» (1999), «Венерин волос» (2005), «Письмовник» (2010), принесшие их автору не только российскую, но и мировую известность. Шишкин – лауреат многих литературных премий России («Русский Букер», 2000; «Национальный бестселлер», 2005; «Большая книга», 2006). В ноябре 2011 г. роман «Письмовник» стал победителем национальной литературной премии «Большая книга». С 1995 г. писатель живет в основном в Швейцарии.

Авторы коллективной монографии решают задачу многостороннего научного исследования творчества современного писателя, что, на наш взгляд, разрушает априорные представления об иерархии художественных специфик: маргинальные, на первый взгляд, техники, судя по большинству статей, обретают статус образующих саму суть содержания.

Сборник состоит из двух частей, предисловия редактора и заключительного слова писателя – рассказа «Гул затих...», последнего на сегодняшний день произведения автора, написанного специально для конференции.

Для нас особый интерес представляет первая часть сборника – критико-литературоведческие исследования и интерпретации различных аспектов творчества Шишкина. Вторая часть включает работы, посвященные проблемам перевода произведений писателя на другие языки. Отметим, что роман «Венерин волос» переведен на 30 языков.

Первую часть открывает статья «Михаил Шишкин: контексты прозы» Н. Ивановой, заместителя главного редактора журнала «Знамя», в котором были опубликованы первые произведения писателя. Именно «Знамя» выдвигало «прозу Шишкина на все значимые литературные награды»¹. Иванова рассматривает общественный и в первую очередь литературный контекст, в котором формировалась проза Шишкина. Так, на фоне «крушения литературоцентризма и литературных устоев, и прежде всего советской империи, что являлось главным общественно-политическим контекстом всех текстов, возникает Михаил Шишкин со своим романом» (стр. 25). Что касается контекста прозы, на который ориентируется сам писатель, то здесь Иванова наряду с Сашей Соколовым называет А. Гольдштейна и И. Бродского. Еще одна важная, на наш взгляд, мысль, высказанная автором статьи: «Шишкин в своей стратегии и личном поведении, выборе судьбы, старается освободиться, выйти из контекста, дистанцироваться» (стр. 27).

Авторы статей исследуют стратегии и техники писателя, определяют структуру текстов, выявляют их основы и константы.

Так, в ряде статей акцент сделан на доминантах художественного мира Шишкина. Профессор А. Леденев («Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина») в качестве характерной черты шишкинской прозы называет воспроизведение сложных сенсорных реакций литературных персонажей. По его мнению, в романах Шишкина визуальные, акустические, вкусовые, обонятельные и тактильные компоненты восприятия в большей степени способствуют пониманию авторской позиции, нежели сюжет или действие. Леденев анализирует различные типы чувственных паттернов (например, взаимодействие цветов и звуков, вкусов и эмоций, рост и падение различных сложных ощущений) с точки зрения предполагаемых метафизических идей.

Предметом исследования Т. Кучиной («Слепой и зеркало: скрытые отражения как структурный принцип нарратива в прозе Михаила Шишкина») стал мотив слепоты и зеркала в творчестве писателя, корреляция видимого и невидимого, «светлого» и «темного», прежде всего в романе «Письмовник» и рассказе «Слепой музыкант», где слепые персонажи играют значительную роль: чувствуют жизнь во всей ее полноте и могут «видеть» то, что видящие люди неспособны воспринимать.

И сенсорная реакция, и мотив слепоты нашли отражение в работе Г. Нефагиной («Все дело в рифмах: симметрия в романе Михаила Шишкина “Письмовник”»). Анализируя структуру «Письмовника» как основанную на симметрии, исследовательница пишет о принципиальном для творчества Шишкина вопросе рифмизации, а также о симметрии семантических образов и знаков, формирующих рамки тематических мотивов, среди которых мотивы слепоты, зеркального отражения, двойничества.

В свою очередь А. Скотницкая («Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина») разъясняет, как писатель использует творческую технику, в которой сосуществуют антиномии: текст и книга, фрагмент и целостность, деграда-

¹ Знаковые имена русской литературы: Михаил Шишкин: Коллективная монография. Краков. 2017. С. 22. Далее страницы будут указываться по этому изданию в тексте.

ция и реконструкция, потеря и надежда. Последняя особо влияет на композицию художественного пространства. При этом отмеченная антиномичность не входит в противоречие с целостностью содержания.

Особо хотим отметить работу А. Распопова («К вопросу о функционировании анималистической образности в прозе Михаила Шишкина»), который впервые анализирует анималистические образы в романах писателя («Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник»). По мнению Распопова, «зооморфизмы и анималистические сравнения в художественном мире прозаика становятся не только демонстрацией несовершенства человеческой природы, но и источником нового знания о человеке» (стр. 163). Это положение, на наш взгляд, можно рассматривать как ключ к художественной антропологии Шишкина.

Ряд статей посвящен проблеме жанра. Например, М. Абашева («Функция первичных речевых жанров в прозе Михаила Шишкина») определяет значение эпистолярного жанра для структуры произведений писателя. Ж. Калафатич («Поиски вымышленного царства. Трансформация эпистолярного нарратива в романе Михаила Шишкина “Письмовник”») пишет о специфике жанра письма в связи с легендой о царе-попе Иоанне («Письмовник»).

С точки зрения особенностей жанра рассмотрена и эссеистика писателя. Мы имеем в виду «Русскую Швейцарию», к которой обратились В. Абашев («“Русская Швейцария” Михаила Шишкина в контексте путеводительного жанра») и Е. Скарлыгина («Документ и документальность в книге Михаила Шишкина “Русская Швейцария”»). В первом случае названное эссе интегрировано в контекст жанра путеводителя, во втором – исследуется в связи с представлениями о документальности.

К «Русской Швейцарии» обращается Н. Блищ («Металитературный лабиринт Михаила Шишкина»), которая предлагает свое понимание метатекстуальности в творчестве Шишкина, его межтекстовых и металитературных связей. По ее мнению, писатель должен находиться в постоянном диалоге со своими литературными «предками», причем основными претендентами на скрытые высказывания являются тексты Н. Гоголя, В. Набокова, И. Бунина и Саши Соколова.

Категорию времени в творчестве Шишкина исследовали М. Яровски («Категории времени и пространства в творчестве Михаила Шишкина. На материале романа “Венерин волос”») и Б. Ланин («Антибахтинский роман Михаила Шишкина»). Последний, например, прослеживает эволюцию романного творчества писателя с точки зрения хронотопа (в понимании Бахтина) и приходит к выводу, что бесспорным примером антибахтинского романа является «Письмовник», где нет ни полного классического диалога, ни хронотопа как типичного конгломерата «время + пространство». Вместо этого его персонажи обмениваются длинными монологами, даже не рассчитанными на понимание собеседника.

О. Гримова («Нарративная поэтика романа Михаила Шишкина. «Взятие Измаила»: поиск инварианта»), не раз писавшая об онтологизации слова у Шишкина, на этот раз рассматривает особенности, характеризующие повествовательную структуру романа «Взятие Измаила». По мнению Гримовой, за мозаикой и полидискурсивностью новаторской формы есть монолитный онтологический центр, который читатель должен уметь воспринимать.

Особый интерес представляет корпус работ, посвященных осмыслению статуса слова в творчестве Шишкина. Так, Ю. Брюханова («Михаил Шишкин: избытие трагизма бытия в художественном слове») пишет о концепции избытия трагизма бытия как на уровне героя, так и в художественном слове. По мнению автора

статьи, «маленький», «негероический» (стр. 61) человек защищен у Шишкина от враждебной жестокой действительности посредством слова: «слова нужны людям, поскольку, пропуская жизнь через свой фильтр, они нивелируют трагизм существования» (стр. 62). Прослеживая эволюцию творчества Шишкина на уровне заданного концепта, Брюханова отмечает, что слово является смысловым центром художественного мира писателя, однако «от “Взятия Измаила” до “Письмовника” оно постепенно теряет свой онтологический статус» (стр. 54).

О религиозной концепции слова в творчестве Шишкина пишет Н. Хрящева («Слово – вещь – предмет в поэтике Михаила Шишкина»). Она рассматривает отношения между такими понятиями, как «слово и вещь», «вещь и телоподобие», «обогащение сознания в акте письма», и приходит к выводу, что у Шишкина «всё абсолютно живо, или способно оживать» (стр. 201). По сути, поэтике писателя свойственно экзистенциальное осмысление вещей, вступающих в диалог с человеком. Происходит это благодаря тому, что доминантой является слово в библейском понимании – как «воплощенной возможности». «Любая частица вещества, костей, земного праха получает в акте письма полагающийся ей статус вещи именно потому, что Слово способно осмыслять вещь и тем самым извлекать ее из “забытья”, возвращать ей качество Божественного первосмысла» (стр. 201).

О христианском отношении к «слову-логосу» пишет также И. Мотеюнайте («Слово как способ преодоления времени в романах Михаила Шишкина и Евгения Водолазкина»). Эта статья интересна еще и сопоставительным анализом творческих концепций двух современных писателей. Исследуя романы «Письмовник» и «Лавр», Мотеюнайте приходит к заключению, что оба писателя свободно обращаются со временем, а также «символически сближают слово и человеческую сущность» (стр. 237).

Назовем и сопоставительную статью Я. Солдаткиной («Итальянские мотивы в романах Михаила Шишкина “Венерин волос” и Евгения Водолазкина “Лавр”»), которая сравнила два романа и выявила общий для обоих произведений итальянский мотив. Отметим, что сравнительные анализы «Шишкин – Водолазкин» – перспективное исследовательское направление, что обусловлено не только выходом в 2017 г. нового романа Е. Водолазкина «Авиатор», но и тем, что II Международная научная конференция «Знаковые имена современной литературы» будет посвящена Водолазкину. В мае 2018 г. критики, литературоведы, переводчики снова соберутся в Кракове, чтобы обсудить концепции, выявить стратегии, отметить техники, определить доминанты творчества еще одного знакового писателя современности. Будем ждать новую монографию.

Сведения об авторе:

Марина Александровна Хлебус,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina A. Khlebus
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

mhlebus@mail.ru